

Ж. А. Рожнёва.

МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Политическим можно назвать такой судебный процесс, на котором подсудимый в силу антигосударственного характера совершенного или приписанного ему преступления выступает в качестве противника существующего политического режима [1]. Применительно к советской действительности 1930-х гг. формальным признаком подобных процессов служит привлечение к уголовной ответственности по статьям, карающим за так называемые контрреволюционные преступления. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., который действовал в рассматриваемый период, это печально знаменитая 58 статья. Она охватывала широкий спектр действий от пропаганды и агитации до организации террористических актов и вооруженных восстаний и предназначались для преследования всякого, кто покушался на власть “рабоче-крестьянских советов” и “рабоче-крестьянского правительства”.

На протяжении 30-х гг. политические судебные процессы проходили не только в центре, но и на местах. В сравнении с внесудебными органами масштаб деятельности судов по рассмотрению дел о контрреволюции был неизмеримо меньшим. В общей политике репрессий политические судебные процессы представляли собой ее видимую, формально законную часть. Их “законность” и отчасти публичность, строго дозированная и хорошо отрежиссированная, в значительной степени определяли то место, которое они занимали в репрессивной политике советского государства. На региональном уровне организация судебных процессов по политическим обвинениям диктовалась всеобъемлющим характером этой политики и зависела от ее конкретной направленности в разное время.

Как известно, становление системы управления страной, начавшееся после захвата власти партией большевиков, шло по пути жесткой централизации, подчинения партийному аппарату всех сфер государственной жизни. Руководство судом, прокуратурой и органами безопасности осуществлялось на общеполитическом и повседневном уровне, и выражалось прежде всего в главенстве партийных директив и строгом кадровом контроле. Еще в 20-е годы была выстроена система взаимоотношений партийных и судебно-следственных органов, в которой последние помимо своих непосредственных руководящих структур подчинялись местным партийным комитетам. Иерархический характер партийной власти ставил деятельность органов суда, прокуратуры и государственной безопасности в прямую зависимость от решений центра, в лице Политбюро ЦК ВКП (б) и лично И. В. Сталина. Именно высшее партийное руководство страны определяло основные направления репрессивной политики.

Происходившие в стране на рубеже 20-30-х гг. преобразования, имевшие целью быстрое увеличение индустриального потенциала, сопровождались широкомасштабными репрессивными акциями. С этого времени в организации репрессий вообще и политических судебных процессов в частности преобладающим стал мотив прямого государственного подавления, как результат превращения правоохранительных органов в составную часть утвердившегося механизма управления, основанного на приоритете насилия. Именно репрессии, как известно, обеспечили утверждение нового социально-экономического порядка.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством политические преступления, относившиеся к числу тяжких, изымались из сферы обычных народных судов. В 1930 г. дела о контрреволюции слушались окружными судами, а после образования Западно-Сибирского края – краевым судом. С 1934 г. при нем действовала Специальная коллегия, которая рассматривала подобные дела в соответствии с Постановлением ЦИК от 10 июля 1934 года [2]. Это же постановление предусматривало слушание дел об измене

родине, шпионаже, терроре и разного рода диверсиях Военной Кол-легией Верховного суда СССР и военными трибуналами округов. Специальным транспортным судам были подсудны действия по дестабилизации работы транспорта, предпринятые с контрреволюционной целью. В периоды особого размаха репрессий (коллективизация, “большой террор”) политические дела частично рассматривались и народными судами, и специальными судебными “бригадами”. Расследование дел о контрреволюционных преступлениях как правило вели местные органы ОГПУ/НКВД.

В январе 1928 г. XVIII пленум Верховного Суда принял постановление “О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении”, которое позволяло рассматривать в качестве контрреволюционных действия, совершенные в отсутствие соответствующей цели, и привлекать к уголовной ответственности по 58 статье без каких-либо доказательств контрреволюционности мотивов подсудимых [3]. Практика широкого толкования составов контрреволюционных преступлений давала возможность, в зависимости от ситуации, придавать им необходимое содержание. В день убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР, которое устанавливало ограничение прав обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов [4]. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. особый порядок распространялся и на дела о вредительстве и диверсиях [5]. Ограничение прав обвиняемых в контрреволюционных преступлениях проявлялось также в передаче ряда дел гражданских лиц на рассмотрение в трибуналы военных округов. В целом можно сказать, что суды по политическим делам в 30-е гг. за редким исключением представляли собой формальную процедуру с заранее известным результатом. И если даже на процессе допускалось участие защиты, то ее роль была ограниченной и сводилась зачастую только к просьбам о помиловании.

Форсированная коллективизация начала 30-х гг. обернулась для деревни откровенным и массовым насилием. Параллельно с раскулачиванием и выселением, проводимыми местным партийно-советским активом и органами ОГПУ, перед судом и прокуратурой также была поставлена задача “быстрой и суровой борьбы со всяким, кто срывает исторические задания партии и правительства в деле коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества” [6]. В 1930 г. в ряде циркуляров Краевой прокуратуры и Краевого суда предлагалось направлять усилия этих правоохранительных органов на преследование контрреволюционных, уголовных и должностных преступлений, связанных с коллективизацией, посевной, хлебозаготовительной и лесозаготовительной кампаниями. На места направлялись судебные следственные бригады которым предоставлялось право рассматривать дела о таких преступлениях, включая контрреволюционную агитацию. Более серьезные дела слушались выездными и постоянными сессиями окружных судов. Наибольшее распространение среди политических обвинений получили агитация против коллективизации и тех или иных кампаний, а также вредительство и совершение террористических актов. В качестве последних рассматривались как случаи сопротивления проводимой политике, выражавшиеся в насильственных действиях против представителей администрации, активистов и их имущества, так и уголовные преступления. Политизация обвинений способствовало общему усилению репрессий, искусственно нагнетаемая обстановка “классовой борьбы” и упрощение процедур рассмотрения дел о контрреволюционных преступлениях. Постоянно нарушая даже упрощенные процессуальные нормы, суды в этот период приближались по своим методам к внесудебным органам. Проведение политических судебных процессов не столько обеспечивало массовость репрессий, сколько служило их оправданием, создавая негативный образ “кулака” и представляя обществу примеры его “бешеного сопротивления”. Через них власти транслировали свое отношение к любому сопротивлению проводимой политике, предостерегая население от подобных попыток. В целом, вместе с репрессиями другого рода они принуждали к принятию нового социально-экономического порядка.

В первой половине 30-х гг. практически все “хозяйственно-политические” кампании

сопровождались организацией судебных процессов, в том числе политических. Экономическая система, созданная в результате “революции сверху”, работала в основном за счет внеэкономических стимулов, одним из которых стали репрессии. При этом их роль составляющей механизма управления производством особенно заметна была в аграрной сфере. В рассматриваемый период административный нажим, как основной способ руководства сельским хозяйством, превратился в повседневную практику. Утвердившаяся система принуждения подразумевала не только административную, но и уголовную ответственность за просчеты и неудачи в работе, за невыполнение государственных обязательств. Каждая сельскохозяйственная кампания сопровождалась судами над обвиняемыми в различных должностных и хозяйственных преступлениях, а также над кулаками, саботажниками и прочими “контрреволюционерами” [7]. Судебные преследования использовались в целях получения необходимой практической отдачи от в целом малоэффективного хозяйственного механизма. Политическая окраска отдельных процессов придавала проводимым хозяйственным кампаниям характер “классовых” сражений. Такое явление, как “сезонные возбуждения дел о контрреволюционных преступлениях” [8], весьма показательно, поскольку в нем отразилась явная политическая заданность уголовного преследования по политическим обвинениям. Подобные процессы, устрашая население, позволяли местному руководству добиваться необходимых на тот или иной момент результатов.

Другой причиной проведения политических судебных процессов было стремление властей списать все неудачи на счет действий всевозможных “врагов народа”. Вредительство объявлялось причиной многочисленных экономических проблем, которые на самом деле являлись прямым результатом политики, проводимой руководством страны. Отдельные вредители и целые их организации “действовали” на западносибирских заводах, шахтах Кузбасса, в колхозах и совхозах, на железной дороге. Обвинительные заключения на таких процессах содержали конкретные сведения о пагубных последствиях “вредительской” работы подсудимых, начиная от невыполнения планов и заканчивая прямыми потерями имущества. Таким образом, суды над вредителями и саботажниками, предъявляя обществу врагов, позволяли представлять все хозяйственные неудачи как результат их деятельности.

В 1930-е годы в целом, и особенно в период террора 1937-1938 гг., были распространены обвинения не просто в контрреволюционной деятельности, а в участии во всевозможных “троцкистско-вредительских”, “кулацких”, “шпионо-террористических” и иных организациях, никогда не существовавших. Организованная форма сопротивления классовых врагов должна была демонстрировать серьезность угрозы с их стороны. В период “большого террора” в колхозах и совхозах “разоблачались” разного рода контрреволюционные группы, в состав которых чаще всего входили председатели, бригадиры, ветврачи, счетоводы. Основными обвинениями были развал работы колхоза (совхоза), падеж скота, порча зерна, разворовывание средств. Также прошел ряд судов над инженерно-техническими работниками шахт. Например, на шахте имени Молотова в Прокопьевске была вскрыта “троцкистско-бухаринская шпионо-диверсионная фашистская банда” (декабрь 1937 г.), на шахте “Черная гора” – группа террористов и диверсантов (март 1938 г.), в Сталинске – вредительская группа (май 1938 г.) [9]. Подсудимые обвинялись в основном в создании диверсионных групп с целью подготовки аварий, вывода из строя механизмов. Нередко им вменялось в вину и невыполнение планов по добыче угля. В подобных обвинениях проявлялось стремление переложить ответственность за многочисленные провалы в экономике с высшего руководства на непосредственных исполнителей.

Организация политических процессов на местах диктовалась не только целенаправленной политикой усиления репрессий, но и специальными требованиями их проведения. Так, в 1937 г. в Западно-Сибирском крае, как и по всей стране, прокатилась волна показательных судов над руководителями Северного (сентябрь), Курьинского (октябрь), Барабинского (декабрь) и других районов, которые обвинялись в том, что, состоя членами контрреволюционных организаций, сознательно извращали политику партии в деревни, собирали

незаконные налоги и проводили другую вредительско-диверсионную работу [10]. Эти процессы были подготовлены во исполнение прямых приказов Сталина, содержавшихся в шифротелеграммах от 3 августа и 2 октября 1937 года, направленных от имени Секретариата ЦК секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий национальных республик. В первой из них, в частности, требовалось организовать “в каждой области по районам 2-3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы”, что и было сделано [11]. Суды над районными руководителями широко освещались в печати и должны были мобилизовать сельское население на борьбу с вредительством. Примечательно, что наряду с обвинениями в шпионаже и диверсиях на процессах приводились факты произвола, издевательского отношения местных начальников к колхозникам. Можно представить себе чувства униженных, разоренных, полуголодных крестьян, узнавших о суде над своими притеснителями. Очевидно, они не просто поддерживали все выдвинутые против них обвинения, но и искренне радовались приговору, сколь суровым он не был. Уничтожая местных руководителей, сталинская власть не только снимала с себя ответственность за произвол и насилие ею же порожденное, но и делало народ соучастником террора [12]. Из этого, конечно, не следует, что проведение подобных процессов диктовалось интересами крестьян или рабочих. Репрессии нужны были только правящему режиму для собственного сохранения и укрепления.

В советском партийном государстве и суд, и прокуратура существовали не как независимые правоохранительные институты, а как часть репрессивного механизма, являвшегося одной из главных составляющих утвердившейся политической системы. При необходимости власть всегда могла использовать возможности и аппарат этих органов для силового решения поставленных задач. Частично выполняя функции, присущие им как правоохранительным институтам, они фактически являлись проводниками репрессивной политики государства. Судебная система, была превращена в инструмент государственного насилия наряду с органами государственной безопасности, осуществлявшими внесудебные репрессии. Возможность извлекать из судебных процессов нужный “воспитательно-политический” эффект делала их незаменимыми в качестве превентивных средств борьбы и с негативными явлениями советской действительности, и с потенциальным противостоянием режиму. Политические обвинения имели характер расхожих штампов и свидетельствовали не столько об организованном сопротивлении властям, сколько о стремлении последних политизировать общество, обозначить “чужих” и сплотить против них “своих”. Врагом же мог стать и тот, кто проявлял недовольство проводимой политикой или пытался сопротивляться ей, и тот, кто мерился и терпел, но не вызывал доверия из-за своего прошлого, и тот, кто был вполне предан режиму, но не справлялся с возложенными на него задачами, в общем им мог оказаться практически любой человек.

Политические судебные процессы, проходившие на местах, в большинстве случаев были менее масштабными и более утилитарными по своему характеру чем громкие московские процессы. Их организация была связана с вполне конкретными практическими задачами. Через эти процессы осуществлялось давление на управленцев и на непосредственных производителей с целью добиться бесперебойной работы созданного хозяйственного механизма. Они же служили своеобразной пропагандистской ширмой, скрывавшей реальные причины возникающих в стране трудностей. Кроме того, региональные процессы, опиравшиеся на местный материал, проходившие практически на “местах преступлений” играли существенную роль в создании атмосферы страха и подозрительности. Наконец, при помощи политических процессов и создаваемой ими иллюзии законности происходящего, опосредованно достигался эффект законности репрессий вообще. В советском государстве судебное преследование за контрреволюционные преступления превратилось из инструмента защиты новой власти в “законное” орудие массовых политических репрессий.

Примечания:

1. Судебный процесс можно считать политическим и в том случае, когда подсудимых судят за неполитические преступления, но само их привлечение к уголовной ответственности инспирировано властями.

Подобные судебные процессы остались за рамками данного исследования.

2. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 61-62.

3. Угрюмов А. П. НЭП и законность (1921-1929 гг.). Новосибирск, 1997. С. 82.

4. Постановление закрепляло особый порядок ведения дел, предусматривавший не более чем десятидневный срок расследования, вручение обвинительного заключения обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде, отсутствие сторон, запрет на кассационные жалобы и ходатайства о помиловании, немедленное исполнение приговоров о высшей мере наказания. См.: Сборник законодательных и нормативных... С. 33-34.

5. Там же. С. 34.

6. Советская Сибирь. – 1930. – 26 января.

7. Подробнее см.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. С. 78-137; Папков С. А. Репрессивная политика советского государства в Сибири (1928 – июнь 1941 гг.). Автореф. ... дисс. докт. наук. Новосибирск, 2000. С. 22-27.

8. ГАНУ, ф. Р-47, оп. 5, д. 227, л. 81.

9. Советская Сибирь. – 1937. – 7 декабря; Советская Сибирь. – 1938. – 21 марта, 10 мая.

10. Красное знамя. – 1937. – 17, 23 сентября, 12, 15, 17 октября, 3, 5 декабря.

11. Павлова И. В. Показательные процессы в Российской глубинке в 1937 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 99.

12. Там же. С. 100.